

«Пришествие Святослава»: киевское граффито № 9 и его исторический контекст

Алексей Гиппиус, Мария Дробышева

«The coming of Sviatoslav»:
Kievan graffito N 9 and its historical context

Alexey Gippius

*(HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Maria Drobysheva

*(State Academic University for Humanities, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050016, EDN: KKFWCM

Собрание настенных граффити Софийского собора в Киеве выделяется на фоне эпиграфических комплексов других древнерусских храмов как многочисленностью и относительно хорошей сохранностью надписей, так и оригинальностью содержащихся в них текстов. Среди посетителей кафедрального собора было немало людей, близких к княжеской и церковной власти, что находит отражение в оставленных ими граффити, прямо или косвенно сообщающих о важных событиях в истории Древней Руси. Одним из мест сосредоточения подобных надписей является второй от алтаря южный крещатый столб центрального нефа собора, один из тех, что находятся в подкупольном квадрате. Из-за высокой концентрации на его поверхностях надписей, посвящённых разным историческим лицам, С.А. Высоцкий назвал этот столб «княжеским»¹. В частности, здесь находится надпись № 7 о «поставлении владыки», автограф и молитвенная надпись № 18–19 Ставра Городятинича (отождествляемого с упомянутым в «Поучении Владимира Мономаха» воеводой Ставком Гордятичем), а также граффито № 4 с записью о погребении Всеволода (Андрея) Ярославича 14 апреля 1093 г.² На восточной плоскости южной лопатки этого столба находится граффито № 9, которому посвящена настоящая статья.

© 2022 г. А.А. Гиппиус, М.В. Дробышева

Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счёт гранта Российского научного фонда № 19-18-00352, <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>

¹ То же отмечал и В.Д. Сарабьянов, говоря о патронально-киторской теме изображений святых на данном столбе (*Сарабьянов В.Д.* Патрональные изображения Ярослава Мудрого и его семьи в росписях Софии Киевской и проблема датировки памятника // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара, 22–24 ноября 2010 г. СПб., 2012. С. 240–241).

² Поскольку к этой надписи нам предстоит вернуться, приведём её текст с поправками А.А. Зализняка: «въ великыи четв[ъ]ргъ рака положена бысть [о]т[о] Аньдреа роуьскыи кнѣзь благыи а Дьмитрь флѣ отрочьк[ъ] его мѣца априла в[ъ] ѿ[д] а бѣ се(редѣ оу)[м]ѣрлѣ п(о) об[ѣ](дѣ)» (*Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. 11. М., 2004. С. 262).

В краткой заметке 1959 г., открывающей историю изучения надписи, Высоцкий издал только первую её строку: «ѣ лета кѣнажилъ Сватославъ». Исследователь отметил, что граффито относится к «разряду крупных, явных»: высота букв составляет около 2 см, а длина строки — 45 см. Сделана же надпись в 155 см от уровня пола XI в.³ Интерпретируя содержание граффито, среди княживших в Киеве Святославов публикатор киевских надписей выделяет Святослава Ярославича, брата упомянутого в приведённой выше надписи № 4 Всеволода Ярославича. Правление Святослава в Киеве началось 22 марта 1073 г. и закончилось 27 декабря 1076 г., т.е. длилось четыре года без трёх месяцев, а сама надпись, как считал Высоцкий, сделана «вскоре после его смерти, когда ещё имело смысл подведение такого скупого хронологического итога его княжения»⁴.

В ходе дальнейшего изучения стен собора учёному удалось обнаружить ещё шесть строчек этой надписи⁵. Вторая строка примерно совпадает по длине с первой, остальные же — в три раза короче и сдвинуты вправо. В первой части свода киевских граффити текст надписи был издан следующим образом⁶:

ѣ лета кѣнажилъ Сватославъ
мѣа март[ѡ]ѣ днь роуга в[ѣда]на
іа всв----ъ
ени-----
неделѣ въ пам
ашьетиѣ Свато-
славѣ а(минь)

Опуская содержание третьей и четвёртой строки, с прочтением и реконструкцией текста которых у него возникли сложности, остальную часть надписи Высоцкий интерпретировал так: «4 лета княжил Святослав... месяце марте дне... руга вдана ...в неделю в память (?) о том Святославе, аминь»⁷.

Как известно, после смерти Ярослава Мудрого основные вопросы политики Руси в течение 19 лет решал триумvirат Ярославичей в составе киевского князя Изяслава, черниговского князя Святослава и переславского князя Всеволода. Но в 6581 (1073) г. «въздвиге дьявол котору въ братьи сеи Ярославичихъ»: Святослав и Всеволод, объединившись, изгнали из Киева Изяслава, вынужденного искать убежища в Польше, и киевский стол занял Святослав. 27 декабря 1076 г. он умер в результате неудачной хирургической операции («от резанья желве»)⁸. В Киеве начал княжить Всеволод, который 5 июля 1077 г. заключил мир с вернувшимся Изяславом, признав его старшинство. М.Д. Присёлков отмечал, что в Киеве память Святослава «подверглась преследованию»: беспрецедентное для киевских правителей захоронение тела князя в Чернигове и отсутствие надгробного слова в летописи свидетельствуют, по мнению историка,

³ По измерениям В.В. Корниенко — 151 см (*Корниенко В.В.* Корпус граффіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. IV: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона). Київ, 2014. С. 639).

⁴ *Высоцкий С.А.* Граффито XI в. в Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 1. С. 273–275.

⁵ *Высоцкий С.А.* Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962. С. 147–182.

⁶ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 182, 199.

о враждебном отношении различных кругов киевского общества к почившему узурпатору⁹.

Прочтение Высоцким граффито № 9 как будто встраивается в эту концепцию. Исследователь предположил, что надпись была сделана через несколько лет после смерти Святослава Ярославича, когда его потомки, стремясь сгладить враждебное отношение к памяти усопшего, внесли «в Софийский собор “ругу” на помин души его, чему сопутствовало написание поминальной настенной записи»¹⁰.

Обилие неясных мест в тексте граффито заставляло искать возможности прочесть его более полно. Так, для В. Орла и А. Кулика отправной точкой для реконструкции части текста, опущенной Высоцким, стала мысль последнего о том, что «руга» должна была быть внесена в начале нового мартовского года. Соответственно, согласно их версии, в третьей и четвёртой строчках граффито могут упоминаться сорок севастиийских мучеников, день памяти которых приходится на 9 марта¹¹. Предлагая эту реконструкцию, исследователи исходили из того, что строчки с третьей по седьмую были изначально шире, чем сохранились. С учётом предложенных конъектур чтение Орла и Кулика передаёт следующая запись:

Д̣ лета к̣нажилѣ Святославѣ
мѣа мар[та в](ѣ) ѣднь роуга в(ѣ)да)на
...ав сѣ(ти чь)тьр(е десате)
(мжч)еници --р--
неделѣ въ пом(инание)
...шьетие Свато...
...славѣ а(минь)

Как можно видеть, строки 3–7 и в этой интерпретации выглядят как набор нестыкующихся между собой обрывков.

От попытки прочтения второй части граффито как связного текста отказался и А.А. Зализняк, сделав, однако, ряд важных замечаний по поводу отдельных фрагментов надписи. В начале второй строки он предложил читать *март ѿї*, заметив, что «любая другая интерпретация даты, кроме ‘19’ здесь не подходит вообще (т.е. тогда пришлось бы допустить, что вместо даты писец написал абракадабру)»¹². В предпоследней строке, по предположению учёного, вместо лишённого смысла *ашьетие* следует читать *ошьстие*, т.е. ‘удаление’, ‘отхождение’, ‘кончина’, а строкой выше после слова *неделѣ* — *въ по[н]*, т.е. в понедельник.

Наконец, новейший издатель корпуса граффити Софии Киевской В.В. Корниенко, вновь обратившись к оригиналу и изготовив новую фотографию и пропись надписи, передал её текст в следующем виде (приводим запись с делением на слова и восстановлением утраченных фрагментов, а также украинский перевод)¹³:

⁹ *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 141.

¹⁰ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи... С. 45.

¹¹ *Орёл В., Кулик А.* Заметки о древних киевских граффити // *Археологія.* 1995. № 1. С. 129–130.

¹² *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 281.

¹³ *Корнієнко В.В.* Указ. соч. Ч. IV. С. 80–82, табл. СII, СIII.

Ḑ лета кнѣжилъ Сватославъ
... м(ѣса)ѡца мар[т](а) въ днь роуга в[ѣда]на ... неделѣ въ пам(а)тъ
[о]шьстие Сватославѣ а[минь]

Перевод: «4 літа княжив Святослав. Місяця березня у день руга дана ... тижня в пам'ять кончини Святослава. Амінь».

К сожалению, и эта интерпретация изобилует странностями, предполагая пропуск даты во второй строке и оставляя неясным, каким образом слова *пам(а)тъ*, *ошьстие* и *Сватославѣ* грамматически связаны между собой.

Как можно заметить, общим для всех рассмотренных трактовок надписи № 9 является, помимо отсутствия связной интерпретации текста в целом, представление о его поминальном характере. В немалой степени оно, по-видимому, обусловлено тем, что в первой строке граффито о княжении Святослава сообщается как об уже закончившемся; начало же второй строки совпадает с распространённой среди граффити поминальной формулой «месяца... в... день преставился раб(а) Божий (-ья)». Но с указания месяца и числа начинается и ряд записей, не связанных с поминанием. Из надписей той же Софии Киевской можно назвать, например, № 5 о «мире на Желяни», № 7 о «поставлении владыки» и т.д. Кроме того, исследование древнерусских граффити деловой тематики показало, что со схожей формулы начиналось и множество граффити учётно-хозяйственного и протоактового содержания¹⁴; настенная запись № 25, сообщающая о покупке «Бояновой земли», — яркий тому пример. Но основной причиной трактовки граффито в поминальном ключе стало приведённое Высоцким определение «руги» как «плат[ы], вносим[ой] в церковь на помин души, обложени[я] или побор[а] в пользу церковного причта»¹⁵. Между тем это определение ошибочно.

Термин «руга» происходит от греч. ῥόγα или ῥοῦγα (а тот — от латинского *rogare* — испрашивать)¹⁶. В византийских источниках он чаще всего означает регулярные выплаты из казны должностным и титулованным лицам¹⁷. Передача такой выплаты главным образом фиксируется в отношении светских лиц¹⁸, но, например, протоспафарий и ипат Воила в своём завещании 1059 г. назначил ежегодную ῥόγα как слугам, так и духовенству одного из храмов. А некоего Григория, как сообщает Воила, он уже поставил на должность клирика собора и назначил ему ῥόγαν καὶ ἀνόγαν¹⁹. Из такой формулировки можно пред-

¹⁴ Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 45–46; Дробышева М.М. Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 6(92). (URL: <https://history.jes.su/S207987840010063-8-1> (дата обращения: 21.10.2020)).

¹⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... С. 42.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 512.

¹⁷ Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 488, примеч. 384; Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. с греч. и коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 450; Lemerle P. «Roga» et rente d'État aux Xe–XIe siècles // Revue des études byzantines. 1967. Т. 25. P. 77–100; The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. N.Y.; Oxford, 1991. P. 1801.

¹⁸ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 219, 282, 292, 294, 300; Georgius Cedrenus. Compendium historiarum. Vol. 1. Bonn, 1838. P. 751; Vol. 2. Bonn, 1839. P. 285, 505; Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. Berlin; N.Y., 1973. P. 135, 203, 206, 359, 390.

¹⁹ Бенешевич В.Н. Завещание византийского боярина XI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. IX. С. 225, 229; Завещание протоспафария и ипата Воилы при импе-

положить некоторое противопоставление в социально-экономической жизни византийцев как минимум середины XI в. термина $\rho\acute{o}\gamma\alpha$, который выражался в денежных выплатах, и $\acute{\alpha}\nu\omicron\nu\eta$, т.е. натурального содержания²⁰. В словарях греческого языка все дефиниции слова $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ не выходят из семантического поля различных выплат, пособий, вознаграждений и жалований²¹. В древнерусских текстах такое значение «руги» мы находим в основном в переводной литературе: Житии Андрея Юродивого, Хронике Георгия Амартола, «Иудейской войне» Иосифа Флавия и т.д. В оригинальных древнерусских источниках термин интерпретируется как денежное содержание исключительно духовенства, иногда распространяясь на всё церковное имущество²². Отсюда и получившее позже широкое распространение понятие «ружная церковь», т.е. церковь, построенная на общинной земле²³.

«Руга» упоминается и в двух граффити, сделанных не позднее начала XIII в. в лестничной башне Софии Новгородской: «въ роугѣ осеньъ ѿ коунѣ, а весн(оу)съ коунѣ»²⁴ и «Аковъ пьсаль роуго[у е]мла»²⁵. Первая надпись информирует о порядке выплаты жалования соборному причту (осенью 5 кун, весной «куны», т.е. основные деньги), вторая является автографом одного из клириков, обрадованного получением пособия.

Можно констатировать, таким образом, что совокупность употреблений слов « $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ » и «руга» в византийских и древнерусских текстах не содержит примеров, где бы этот термин имел значение поминального вклада. Во фразе из духовной грамоты Ивана II «а костки московьскіи дал есмь к стѣи бѣи и к стому Михаилу, в (па)мять по своемь о(т)цѣ, и по своеи брат(ь)и, и по собѣ, то имь руга» искомое слово употребляется в связи с организацией поминовения, но и здесь под ним следует понимать денежное пособие для духовенства²⁶.

Весь этот экскурс о значении термина «руга»/ $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ может показаться излишним, если свериться с источником, на который ссылается Высоцкий, определяя это понятие в своей работе. Учёный цитирует «Материалы для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочина, в которых на самом деле присутствует только вторая половина указанного значения («обложение, побор

раторе Исааке Комнине в 1059 г. / Пер. М.В. Левченко // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 171–172.

²⁰ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 124.

²¹ Δημιτριάδης Δ. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Τ. ΙΒ. Αθήνα, 1964. Σ. 6420.

²² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 184–185; Фасмер М. Указ. соч. С. 512; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 230–231; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. М., 2013. С. 464.

²³ Фасмер М. Указ. соч. С. 512. См., например, перечень таких церквей в новгородских источниках конца XVI в. (Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах XVI в. // Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 24. М., 1856. С. 25–32), а также 31-й вопрос 5-й главы Стоглава (Стоглав. Казань, 1862. С. 71–72).

²⁴ Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. С. 100. Приводится с уточнением, сделанным при подготовке нового свода граффити Софии Новгородской А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым.

²⁵ Известна по фотографии целой калыки В.В. Сулова, выполненной до вырубания правой части надписи из стены во время реставрации храма в конце XIX в. (Фотоотдел архива ИИМК, негатив № III 6717) (примечание С.М. Михеева).

²⁶ Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 3. Стб. 185; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. С. 231; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. С. 464.

в пользу церковного причта») и ничего не говорится про «плату, вносимую в церковь на помин души»²⁷.

Итак, под «ругой» в граффито № 9 следует понимать то же, что и в других древнерусских источниках, включая эпиграфические тексты, — жалование церковному причту. К такому же мнению пришли и составители Словаря древнерусского языка, приводя часть текста надписи № 9 как примера употребления слова в значении ‘плата’, ‘жалованье’²⁸.

В предварительной версии этой статьи²⁹ мы несправедливо обошли вниманием работы И.Ф. Тоцкой, которая относительно значения слова «руга» в этой надписи пришла к такому же выводу³⁰. Многолетняя коллега Высоцкого по музейной работе в Софии Киевской, в остальном приняв его прочтение граффито, интерпретировала его в том смысле, что Святослав Ярославич, которого исследовательница видела сторонником автокефалии и независимости Киева от греческой митрополии, в течение своего четырёхлетнего княжения не выплачивал жалованье духовенству кафедрального собора. Это, как и негативная оценка в летописи и факт захоронения в Чернигове, свидетельствует, по мнению Тоцкой, о серьёзном конфликте Святослава Ярославича с церковными ортодоксальными кругами и разрыве с митрополией кафедрой.

Продолжим исследование надписи и сначала попробуем прочитать её вторую часть полностью, как связное целое³¹. Причина, по которой предшествующие попытки не увенчались успехом, заключается, на наш взгляд, в неверном определении левого края строк 3–7. Высоцкий и все писавшие за ним считали, что строки 3, 4 и 6 начинаются на ширину одной буквы левее строк 5 и 7. Между тем буквы, которые исследователи помещали в начала этих строк или обозначали прочерками, в действительности отсутствуют: за букву *i* в начале третьей строки Высоцкий принял вертикаль уголка, отчеркивающего поле, на котором располагается вторая часть надписи, а за буквы *e* и *a* в начале четвёртой и шестой строк — скопления случайных царапин. Характерно, что только буква *e* была заимствована из транскрипции Высоцкого другими публикаторами, однако и она допускает такую идентификацию лишь с большой натяжкой. Отказавшись от прочтения на указанных местах каких-либо букв, мы получаем совершенно ровный левый край «узкой» части граффито, образованный расположенными одна под другой и отчётливо читаемыми буквами *a*, *n*, *n*, *ш*, *с*. При таком проведении границы текста в строках 3–5 уверенно восстанавливается

²⁷ Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 307.

²⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. С. 464.

²⁹ Гиппиус А.А., Дробышева М.М. «Руга» в граффито № 9 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик. М., 2020. С. 58–65.

³⁰ Тоцька І. До історії церковно-політичного життя Київської Русі XI ст. (друга половина) // Духовна спадщина Київської Русі: Збірник наукових праць за матеріалами міжнародного семінару викладачів східноєвропейських університетів. м. Одеса, 2–4 липня 1997. Одеса, 1997. С. 152–157; Тоцька І. «4 лета княжил Святослав» // Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 221–228. Благодарим Г.С. Яроцьку за допомогу в пошуку першої із цих робіт.

³¹ Обосновываемое ниже прочтение опирается на фотографии, опубликованные Б.А. Рыбаковым, С.А. Высоцким и В.В. Корниенко (помимо названных изданий они доступны на странице онлайн-базы «Древнерусская эпиграфика» <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/301>). К сожалению, возможности изучить граффито *de visu* у авторов не было. Надеемся, что коллеги, имеющие доступ к оригиналу надписи, смогут проверить правильность предлагаемой транскрипции.

сочетание «в(ъ п.л.)[т]ь|ниц(ю) [въ]р[бъ](н.л.) | неделя». Вторую и третью буквы 3-й строки, трактованные Высоцким как *вс*, следует, по нашему мнению, читать как *бе*, видя здесь форму 3-го лица единственного числа аориста с имперфектной основой *бъ* с такой же заменой *ь* на *е*, как в слове «*лета*». Что же касается открывающей строку буквы *а*, над которой как будто располагается титло, то она может быть трактована двояко. В предварительной версии статьи мы интерпретировали её как цифру, точнее, как записанное в виде цифровой идеограммы наречие «*първое*» ‘впервые’, ‘первый раз’. В такой трактовке фраза сообщает, что впервые выдача руги состоялась в пятницу Вербной недели. Однако раздвоенный горизонтальный штрих над *а* (продолжающийся, заметим, и над соседним *б*) может быть не титлом, а горизонталью того же отгораживающего текст уголка, вертикаль которого была принята Высоцким за *і*. В этом случае мы получаем фразу: «*А бе в(ъ п.л.)[т]ь|ниц(ю) [въ]р[бъ](н.л.) | неделя*». В пользу этой трактовки косвенно свидетельствует уже упоминавшаяся надпись № 4, вторая фраза которой, называющая день смерти Всеволода Ярославича, начинается сходным образом: «*А бѣ се(редѣ оу)[м]ѣрѣ п(о) об[нѣ](дѣ)*»³². Вторая интерпретация представляется нам в настоящее время предпочтительной, хотя и первая остаётся возможной.

Для конца пятой строки, где более или менее чётко читаются только *в*, *ь* или *ѣ* и *п*, исследователи, напомним, реконструировали сочетания *въ п(оминаше)*³³, *въ по[н]*, т.е. ‘в понедельник’³⁴ и *въ нам(ать)*³⁵. Но после *п* могли вестись только ещё 1–2 символа, после чего текст надписи перешёл на шестую строчку. Это означает, что слово, начатое в конце пятой строки, продолжается в шестой. Полагаем, что это слово – *п[ри]ишествіе* ‘пришествие’, ‘приход’. Строкой ниже между *в* и *ь* видно надписанное выше *л*, поэтому следующее слово можно прочесть как *Святославль* – согласованная с *пришьствие* форма именительного падежа среднего рода притяжательного *Святославль* с заменой *е* на *ь* (ср. обратную замену в *лета*, *неделя*). Окончание надписи читается таким образом: *въ п[ри]ишьствие Святославль а(минь)*.

Приобретая таким образом смысловую и грамматическую связность, которой ей так не хватало в предыдущих прочтениях, вторая часть граффито одновременно преподносит сюрприз: оказывается, что речь идёт не о поминовении или кончине Святослава, но о начале его киевского княжения. В том, что под «пришествием» Святослава имеется в виду именно оно, не может быть сомнений: 22 марта 1073 г., день прихода Святослава Ярославича на княжение в Киев, действительно был пятницей Вербной недели. Таким образом, чтение, к которому мы пришли путём чисто филологического анализа, получает однозначное хронологическое подтверждение.

Каким образом прочитанная фраза соотносится с предшествующей записью о выдаче руги? Естественно было бы относить её к этому же событию, т.е. считать, что автор граффито сначала указал число, когда была выдана руга, а затем добавил ещё два датирующих указания – литургическое и историческое. Однако число 22 невозможно усмотреть в том месте второй строки, где

³² Заметим также, что если бы «а» под титлом обозначало наречие «*първое*», мы ожидали бы появления при идеограмме «фонетического дополнителя», ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: «и паки в-е (= второе) к Смолиньску со Ставкомъ с Кордятичемъ».

³³ Орёл В., Кулик А. Указ. соч. С. 129–130.

³⁴ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. С. 281.

³⁵ Корниенко В.В. Указ. соч. Ч. IV. С. 82.

располагается дата (вслед за Зализняком мы находим наиболее вероятным прочтение её как «19 марта»). Следовательно, смысл заключительной части надписи в другом: сделав запись о выдаче руги 19 марта, автор граффито припоминает, что «в пришествие Святослава», т.е. при начале его княжения, руга была выплачена в пятницу Вербной недели. Неуказание месячной даты в этом случае выглядит естественным.

Прежде чем перейти к историческим следствиям, вытекающим из нового прочтения граффито № 9, приведём его текст полностью, с переводом и палеографическим комментарием.

**д̑ лета к̑н̑ажилѣ Святославѣ
м̑ѣца мар[г̑] ф̑і] д̑нь роуга в[ѣда]на
а бе в(ѣ па)[т]ѣ
ниц(ю) в[ѣ]р[б](ныа)
неделѣ вь п[ри]
шьстие Свато
славѣ а(минь)**

Перевод: «4 года княжил Святослав. Месяца марта в 19-й день выдана руга. А в пришествие Святослава это (выдача руги. — *Авт.*) было в пятницу вербной недели. Аминь».

Результат анализа начертаний в граффито, выполненный по методике Зализняка³⁶, датирует надпись 1100–1120 гг.³⁷ Но нельзя не оговориться, что в связи с особенностями берестяных грамот, которые в основном обнаруживаются в слоях XII–XIV вв. и гораздо реже в археологических слоях более раннего и более позднего времени, точность оценки на краях разработанной исследователем хронологической шкалы (т.е. XI в. — первые десятилетия XII в. и начало XV в.) намного ниже³⁸. Поэтому в отношении граффито № 9 будет правильной говорить о внестратиграфической датировке первым из указанных «тёмных» периодов, т.е. XI в. — самым началом XII в., что не противоречит связи надписи с временем княжения Святослава Ярославича в 1070-е гг.³⁹

³⁶ Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. 10. М., 2000. С. 134–429.

³⁷ Датирующие признаки: *Б I* округлая петля; *В I* округлая нижняя петля; *Ж I_a* прямая звезда; *Р I_a* округлая петля (прямая мачта); *Б I* округлая петля; Язык: редуцированные сохранены; Графика: ѣ → *Е* (фонд ≥ 2×). *А* встречается в сохранившейся части текста дважды: в *мѣца* «основной вид (острые)» и «v-образный язычок (острые)» в *к̑н̑ажилѣ*. Второй вариант начертания характерен для более позднего периода (с 1280 г.) и в датирующей матрице обозначается знаком «!», означющим несоответствие данных этой строки показаниям других, и предполагает случайное отклонение (Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот... С. 285). Это явление встречается при внестратиграфическом датировании отдельных берестяных грамот, стратиграфия которых чётко определена (см., например: Там же. С. 290–416 (матрицы грамот 380, 724, 752, Свинц. 1, и т.д.)), а также при датировании некоторых эпиграфических источников (см., например: Орлов Р.С., Козюба В.К. Нова знахідка пряслиця з графіті з Вишгорода // Археологія. 2008. № 3. С. 38; Дробышева М.М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2020. № 1. С. 132).

³⁸ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. С. 239.

³⁹ Отметим оригинальную особенность орфографии надписи. Как было сказано, наряду с уже отмечавшейся заменой этимологического њ на е, в граффито имеет место обратная замена этимологического е на њ. При этом соотношение двух графем не носит характер свободного варьирования, но подчиняется следующему правилу: после исконно твёрдых согласных безотносительно

Приход Святослава на киевский стол назван в граффито «пришествием», и такое его обозначение свидетельствует о многом. *Пришьст(е)ие* – слово сугубо книжное⁴⁰. В летописях домонгольского времени оно представлено всего тремя примерами, из которых один приходится на ветхозаветную цитату в «Речи Философа», а в двух других речь идёт о Втором пришествии Христа⁴¹. На этом фоне словоупотребление граффито выделяется нарочитой торжественностью, представляя приход Святослава в Киев как событие экстраординарное, выдающееся⁴², что подчёркивает и «аминь», которым, по-видимому, завершалась надпись.

Именно так, несомненно, это событие воспринималось всеми современниками. Но с каким знаком воспринял его автор граффито? В «Повести временных лет», как известно, Святослав обвиняется в узурпации киевского стола: летописец представляет его инициатором переворота 1073 г., из-за своего властолюбия подговорившим Всеволода пойти против Изяслава⁴³. Как нарушитель «отней заповеди» Святослав уподобляется потомкам Хама, преступившим границы, установленные при разделе земли тремя сыновьями Ноя («исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову») ⁴⁴. Открыто негативный характер имеет и другая библейская параллель, относящаяся к Святославу: за хвастовство богатством перед немецкими послами его сравнивают с иудейским царём Езекией⁴⁵. Высоцкий и Тоцкая в своей интерпретации надписи исходили из мнения о схожести взглядов летописца и автора граффито на деятельность Святослава Ярославича. В пользу этого можно было бы привести и некоторые дополнительные соображения. Можно было бы указать и на то, что слово «пришьствие» одним из своих значений имеет «нашествие»⁴⁶ и в силу этого может иметь коннотацию узурпации власти. Эта линия рассуждений, однако,

---

к этимологии пишется *е*, после исконно смягчённых (палатальных) – *ь*: *лета (льта)*, *бе (бь)*, *недель (неделъ)*, *Сватославль (Сватославль’е)*. Это распределение представляет интерес в историко-лингвистическом отношении.

⁴⁰ Поясним, что «*пришьствие*» и «*пришьствие*» – этимологически первичный и вторичный варианты слова (см.: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 277–278). Историческими словарями русского языка вариант «*пришьствие*» не отражён (в отличие от «*ошьствие*», фиксируемого в Изборнике 1073 г. (*Срезневский И.И.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 851)), но он широко представлен в старославянских памятниках (*Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 3. Praha, 1982. S. 330).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 98, 266; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 515.

⁴² Акцент на сочетании «*пришьствие Сватославль*» нашёл и любопытное графическое выражение. Буква *е*, которой заканчивается первое слово, написана с непропорционально большим элементом *е*, который как будто обхватывает своими засечками следующее *с*. Благодаря этому первая буква имени получает как бы двойной контур, что делает её похожей на инициал.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182.

⁴⁴ Там же. Стб. 183. Этот библейский прототип триумvirата Ярославичей и его последующей судьбы неоднократно рассматривался в литературе, см. в частности: *Гиттис А.А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 136–141; *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 215–223. Заметим, что, если продолжить эту аналогию, соответствием проклятого Ноем четвёртого сына Хама оказывается никто иной как четвёртый сын Святослава Олег «Гориславич», деятельность которого в Повести временных лет подвергается особенно острой критике.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 198–199. О сравнении Святослава и Езекии см.: *Литвина А.Ф.* Князь Святослав и царь Иезекия: К интерпретации статей «Повести временных лет» под 1075 и 1076 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2(32). С. 6–11.

⁴⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 8. М., 2012. С. 649.

жизнеспособна лишь в рамках гипотезы Гоцкой, согласно которой Святослав, сделавшись киевским князем, прекратил выплату руги духовенству Софийского собора. Между тем, как мы теперь знаем, происходило обратное: в самый первый день своего прихода в Киев он эту ругу выплатил, а возможно — и учредил.

Здесь стоит повторить неоднократно высказывавшуюся в историографии мысль, что у нас нет оснований думать, будто отношение к Святославу Ярославичу современников событий 1060–1070-х гг. было столь же однозначным, как у автора летописной статьи 1073 г.⁴⁷ Чтобы убедиться в этом, напомним события 1068–1069 гг., какими их представляет та же «Повесть временных лет». После поражения Ярославичей от половцев на Альте в 1068 г. Изяслав и Всеволод бежали в Киев, а Святослав — в свою волость, в Чернигов. Изяслав отказал киевлянам, предложившим вооружить их для борьбы с продолжающими разорения половцами. В ответ на это в Киеве вспыхнуло восстание, и по решению веча князем стал освобождённый из заточения Всеслав Брючиславич Полоцкий, пробывший до этого в порубе около года. Изяслав и Всеволод покинули Киев, а тем временем Святослав с небольшим отрядом решился единолично выступить против существенно превосходящих в числе половцев и прекратил их набег, одержав победу в битве у Сновска и пленив князя Шарукана⁴⁸. Когда вернувшийся в 1069 г. с подкреплением из Польши Изяслав был готов начать наступление на Киев, оставленные на произвол судьбы сбежавшим в Полоцк Всеславом представители веча обратились с просьбой о помощи к Святославу и Всеволоду. Святослав согласился стать посредником в переговорах и заверил, что ради защиты «града отца своего» они с Всеволодом готовы выступить против Изяслава и пришедшего с ним Болеслава, если те сохраняют намерение дать польским войскам разграбить столицу. Вняв предостережениям, Изяслав всё же отправил в город с небольшим отрядом сына Мстислава, который казнил и ослепил около 70 участников освобождения Всеслава из поруба, «другья же без вины погуби не испытавъ». Сам же Изяслав с малой дружиной триумфально вошёл в город под смиренные поклоны киевлян, а польские войска после пребывания «на покорме» и нескольких случаев убийства отправились обратно. В посмертном слове Изяславу летописец, традиционно восхваляя положительные качества усопшего, вступил в полемику с современниками, которые могли указать на санкционированную им расправу, оправдывая покойного князя тем, что сделал это на самом деле Мстислав⁴⁹. Это верный признак того, что в народной памяти ответственность за казни 1069 г. возлагалась именно на Изяслава.

Хотя непосредственным поводом для выступления младших Ярославичей против старшего стали слухи о союзе, будто бы заключённом между Изяславом и Всеславом⁵⁰, в действительности, судя по внешнеполитическим дого-

⁴⁷ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 1. Т. II. СПб., б. г. Стб. 297; Голубовский П. В. История Северной Земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 68–80; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 77–87; Николаев А. Святослав Ярославич // Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 262–264; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 495.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–172; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 191.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172–174, 202.

⁵⁰ Вероятно, такой союз действительно формировался как ответ на действия Святослава и Всеволода и подразумевал заключение брака между младшими членами семьи Изяслава и Всеслава (Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сва-

ворам рубежа 1060–1070-х гг., Святослав и Всеволод планировали свержение Изяслава задолго до 1073 г.⁵¹ Горожане Киева, проявив себя во время восстания 1068 г., после репрессивных мер вновь занявшего великокняжеский стол Изяслава надолго потеряли политическую активность⁵², и как воспринималась ими произошедшая смена власти, доподлинно неизвестно⁵³. Но и с учётом неоднородности политических симпатий киевского общества ясно, что события 1068–1069 гг. не могли не оттолкнуть от Изяслава существенную часть киевлян, так что Святослав, победитель половцев и избавитель от польской угрозы, в народе мог быть популярнее старшего брата.

Показателен и известный эпизод в Несторовом «Чтении о житии и о погублении блаженую страсготерпцю Бориса и Глеба»: во время торжеств 1072 г., связанных с перенесением мощей святых в новую церковь в Вышгороде, митрополит Георгий поочерёдно благословляет рукой Бориса всех князей, и именно на голове Святослава остаётся ноготь святого. Этот эпизод трактуется Нестором как «благословение ему»⁵⁴, что противоречит концепции сугубо отрицательного образа Святослава в памяти его современников и ближайших поколений.

О действительно негативном отношении к новому князю, на которое указывал М.Д. Присёлков, свидетельствует Киево-Печерский патерик. Согласно ему, Феодосий Печерский открыто обвинял Святослава в узурпации власти, рассылая обличительные письма и отказываясь поминать его имя на службах в монастыре. Святослав же неоднократно пытался завоевать симпатию братии и самого Феодосия, в частности, дав средства на постройку Успенской церкви и лично участвуя в прокладке рва для её строительства. В конце концов Феодосий стал менее критичен к новому князю, неоднократно встречался с ним (в том числе и на смертном одре, наказав опекать монастырь и нового игумена Стефана) и вернул его имя в список поминаемых, правда, после Изяслава, подчёркивая старшинство последнего⁵⁵. Что же касается другого лидера Киево-Печерского монастыря, Антония, то его связывали со Святославом особые отношения. В 1069 г. Изяслав разгневался на Антония – по туманной формулировке источников, «из-за Всеслава» (по-видимому, Антоний каким-либо образом контактировал с Всеславом Полоцким во время его киевского княжения). Святослав спас Антония от преследования, отправив ночью людей, которые тайно перевезли его в Чернигов, где тот, находясь под защитой удельного князя, основал Болдинский монастырь⁵⁶.

Место захоронения Святослава – в черниговской церкви Спаса, – к факту которого апеллируют как к свидетельству неприязни киевского общества

титися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2013. T. LVIII. С. 317–323).

⁵¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 505–539.

⁵² Лукин П.В. Зачем Изяслав Ярославич «взъгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 55.

⁵³ Впрочем, ряд исследователей обращают внимание на то, что Изяслав вместе с семьёй и имуществом покинул Киев до того, как его заняли Святослав и Всеволод, видя в этом смещении инициативу горожан (*Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 79; *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 495; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 90).

⁵⁴ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 22.

⁵⁵ Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 420–422, 424.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193.

к умершему, некоторыми исследователями объясняется тем, что Святослав мыслил себя прежде всего черниговским князем, а не киевским⁵⁷. Впрочем, скорее всего, решение о месте захоронения внезапно умершего князя принадлежало не ему самому, а его сыновьям, сидевшим в Чернигове.

Об отношениях Святослава с Киевской митрополией после занятия им великокняжеского стола достоверно ничего не известно. Из-за непростой ситуации с епархиальным устройством Руси во время триумvirата Ярославичей киевский митрополит Георгий должен был быть одним из лиц, не заинтересованных в смене великого князя. По инициативе Святослава и Всеволода произошло возвышение епископов Чернигова и Переяславля до ранга титулярных митрополитов⁵⁸. Митрополит Георгий в мае 1072 г. ещё участвовал в торжествах в честь переноса мощей святых Бориса и Глеба вместе с новыми митрополитами и другими представителями высшей церковной власти⁵⁹, но в 1073 г. уже находился «въ Грьцьѣхъ»⁶⁰, после чего сообщения о нём обрываются⁶¹. О времени поставления его преемника — Иоанна известно лишь, что оно произошло не позднее 1077/78 г., когда последний рукоположил ростовского епископа Исайю, что нашло отражение в житии последнего⁶². Отъезд Георгия в Константинополь и смена митрополита могли как просто совпасть со сменой князя, так и явиться следствием неопределённости в положении Георгия и Неофита после занятия инициатором появления Черниговской митрополии великокняжеского стола.

Отношение церковных кругов в целом к династическому перевороту не могло не быть отрицательным. По словам П.В. Голубовского, «как бы ни было естественно занятие Киева с точки зрения общих интересов (Святослава и киевлян — *Авт.*), с христианской точки зрения это было преступление»⁶³. Отсюда и принципиальность Феодосия, которую, по всей видимости, проявляли и другие представители духовенства. Влияние их в городском сообществе было велико, и без их расположения новому князю не удалось бы на должном уровне поддерживать свой авторитет.

Кичившийся богатством Святослав нередко использовал финансовые возможности для реализации политических задач. В хрониках Ламберта Герс-

---

⁵⁷ Грушевский М.С. Указ. соч. С. 86; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 463; Толочко П.П. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1(27). С. 85–103.

⁵⁹ «И съвкупивъшеся вься братия: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ Георгий Киевскый, другый — Неофитъ Чьрниговскый; и епископи Петръ Переяславскый, и Никита Бѣлогородскый, и Михайлъ Гургевскый; и игумени Феодосий Печерьскый и Софроний святаго Михаила и Германъ святаго Спаса, и прочии вьси игумени» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 55–56). В данном фрагменте говорится только о двух митрополитах — собственно Киевском Георгии и Черниговском Неофите. По мнению А.В. Назаренко, на момент праздника в честь перенесения мощей Пётр, фактически занявший митрополичью кафедру в Переяславле, ещё не получил утверждения от патриархии, а поэтому указан в источнике как епископ (Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей... С. 94).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

⁶¹ И.Ф. Тоцкая, не приняв во внимание работы А.В. Назаренко, посвящённые епархиальному устройству Руси времени триумvirата Ярославичей, считала, что Киевская митрополия на время княжения Святослава переехала в Переяславль под защиту Всеволода (Тоцкая И.Ф. «4 лета княжил Святослав... С. 221).

⁶² Назаренко А.В. Иоанн II // Православная энциклопедия. Т. 23. 2010. С. 471–475.

⁶³ Голубовский П.В. Указ. соч. С. 72.

фельдского и Сигеберта из Жамблу сообщается о щедром даре, сделанном Генриху IV для сохранения нейтралитета в конфликте с Изяславом за власть⁶⁴. Постройка монастырской церкви (и пожалование земельного участка из своих владений для её строительства) также требовала серьёзного финансирования и стала решающей в улучшении отношений с Феодосием. В этот ряд хорошо вписывается и выплата руги клиру Софийского собора, которую, согласно нашему прочтению граффито № 9, Святослав осуществил в день занятия им киевского стола. Таким образом князь явно стремился заручиться поддержкой софийского духовенства, попросту говоря, покупая его лояльность⁶⁵.

Согласно нашей первоначальной трактовке третьей строки надписи, Святослав не просто выплатил ругу, но учредил её регулярную выплату. Но даже если надпись эксплицитно не сообщала об этом, кажется весьма вероятным, что Святослав сделал то, чего существовавший до него порядок не предполагал. Главной формой материального обеспечения Русской церкви в ранний период её истории являлась, как известно, десятина, т.е. десятая доля княжеских доходов⁶⁶. Как отметил Е.Е. Голубинский, «десятина подавала повод к неудовольствиям между князьями и епископами, заставляя последних подозревать судей княжеских, если не самих князей, в утайке доходов»⁶⁷. Нельзя не вспомнить, что в 1137 г. внук Святослава Ярославича, Святослав Ольгович, незадолго до того вокняжившийся в Новгороде, издал Устав о замене церковной десятины от вир и продаж фиксированной суммой в 100 гривен новых кун⁶⁸. Исследователи высказывали разные мнения о степени выгоды этого нововведения для Новгородской кафедры: ограничила ли она её доходы или, наоборот, увеличила? Вторая оценка стала господствующей, поскольку даже при сомнительной материальной выгоде (по расчётам В.Л. Янина, названная сумма, скорее всего, была примерно равна прежним доходам Церкви от десятины)⁶⁹ главным результатом реформы стала независимость доходов Церкви от доходов князя⁷⁰. Важно и то, что для Святослава Ольговича издание Устава

---

⁶⁴ «Немного спустя вернулся Бурхард, глава трирской церкви, который отправился к королю руценов, исполнив королевское посольство и привезя столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнил ранее о таком количестве, привезённом в немецкое государство за один раз. За такую плату король руценов хотел приобрести у короля, чтобы его брату, которого он изгнал из королевства, тот не оказывал помощи против него. Этого он, конечно, мог добиться даром, поскольку, занятый междоусобными войнами, тот никоим образом не имел возможности начать внешние наступательные войны со столь отдалёнными народами» (Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Ч. 1: Германия IX – первая половина XII в. / Сост., пер. и коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 164–165, 170, примеч. 14).

⁶⁵ Подобный способ преодоления Святославом Ярославичем возможной оппозиции путём финансовой поддержки духовенства уже отмечался в историографии (*Голубовский П.В.* Указ. соч. С. 72–73, 75–77; *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 84–86; *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 91).

⁶⁶ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 7–24; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство... С. 111–122.

⁶⁷ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 1880. С. 424.

⁶⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 148.

⁶⁹ В.Л. Янин исходил из того, что 100 гривен кун в данное время были эквивалентны 25 гривнам серебра и сравнил эту сумму с размером вступительного взноса в Иванское сто (50 гривен серебра). Но, судя по всему, эта сумма была даже вдвое меньше и равнялась 12,5 гривнам серебра (*Гиппиус А.А.* Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 27).

⁷⁰ *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 80–84.

стало, по-видимому, средством нормализовать отношения с епископом Нифонтом, с которым он первое время после своего прихода в Новгород находился в конфликте. Хотя об этом конфликте мы узнаём по отказу Нифонта венчать Святослава, мотивированному, вероятно, каноническим запретом⁷¹, он, как кажется, мог иметь и политическую подоплёку и быть связан с неодобрением владыкой государственного переворота, в результате которого Святослав оказался в Новгороде. Так или иначе, в действиях двух Святославов, деда и внука, прослеживается общая модель налаживания отношений с митрополицией/епископской кафедрой путём предложения ей новых, более выгодных условий финансового обеспечения. Из текста граффито № 9, к сожалению, неясно, заменил ли Святослав Ярославич ругой десятину, или эти две формы материального обеспечения духовенства были скомбинированы, но, надо думать, при любом из этих вариантов получатели жалования оказались в большем выигрыше, чем при действовавшей до этого системе.

По всей вероятности, руга выплачивалась софийским клирикам все четыре года княжения Святослава. Об этом говорит вторая строка граффито. Несмотря на сложности с прочтением содержащейся в ней даты, мы выше согласились с Зализняком, читавшим её как «19 марта». Эта трактовка верифицируется сопоставлением со вторым хронологическим указанием надписи: если 22 марта 1073 г. было пятницей Вербной недели, то 19 марта 1076 г., последнего из «четырёх лет» Святославова княжения, пришлось на Лазареву субботу, канун Вербного воскресенья. Оценивая это совпадение, следует иметь в виду, что в Византии выплата руги проходила ежегодно в торжественной обстановке либо на Вербной, либо на Страстной неделе (чаще всего в четверг)⁷². В крайнем случае, если император не планировал быть в Константинополе в предпасхальное время, руга могла быть роздана и раньше, например на первой неделе Великого поста. Известно, что уделявший повышенное внимание своим публичным выходам Роман III Аргир умер во время подготовки к церемонии вручения руги в Чистый четверг 1034 г., к которой приступил, несмотря на крайнюю слабость⁷³.

Сложно сказать, была ли перенята Русью эта форма финансирования Церкви до 1073 г., но клир собора, особенно в той его части, какую составляла свита присланного из Константинополя митрополита, о традиции выплаты руги, естественно, должен был знать. День занятия Святославом Ярославичем киевского стола совпал по времени с традиционным временем проведения этой церемонии в Константинополе, и выплата руги могла стать жестом доброй воли со стороны нового князя и стратегически важным шагом для завоевания доверия представителей церковной власти и духовенства Софии Киевской. Вероятно, руга выплачивалась затем на Вербной неделе ежегодно во время этого четырёхлетнего периода, скрепляя византийскую традицию и годовщину занятия Святославом великокняжеского стола.

В связи с этой годовщиной нельзя не отметить того значения, которое в средневековом обществе приписывалось политическому ритуалу встречи горожан и нового правителя во время торжественного въезда в город последнего. М.А. Бойцов в статье об обряде *adventus domini* отмечает актуальное для всего

⁷¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 43.

⁷² The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1801.

⁷³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI в. СПб., 2004. С. 26, 161–162.

периода Средневековья «уподобление въезжающего в город государя Иисусу Христу, вступающему в земной или даже мистический Небесный Иерусалим». Совпадение этой церемонии с праздником Входа Господня в Иерусалим не могло не усиливать данный эффект, делая канун Вербного воскресения и, шире, предпасхальное время особенно удачным выбором даты торжественного въезда в город нового правителя (разумеется, при возможности самого выбора). Бойцов же упоминает об особенном ликовании простолюдинов Базеля в апреле 1474 г. во время въезда в город эрцгерцога Зигмунда Габсбурга, случившегося перед Пасхой. Тогда горожане распевали на улицах придуманный ими стишок, сочетающий похвалу князю, насмешку над его противником и мотивы литургических песнопений⁷⁴. Прямых свидетельств того, что подобное имело место и на Руси, нет, но в то же время одна только НПЛ сообщает о трёх приходах в город князей, случившихся именно «на вьрбницу»: Юрия Долгорукого в Киев в 1155 г., Ярополка Ярославича в Новгород в 1197 г. и Михаила Всеволодовича в Торжок в 1228 г.⁷⁵ Обязательным элементом процедуры *adventus domini* было посещение новым сеньором и его свитой службы в главном храме города⁷⁶, в древнерусских же летописях неоднократно встречается упоминание о посещении новым князем Софийского собора и Десятиной церкви по случаю занятия им Киева⁷⁷. Полагаем, что именно в момент церемониального посещения Софийского собора Святославом и было объявлено решение о выдаче руги. Бойцов подчеркнул, что «всякий торжественный княжеский въезд в средневековый город был способом регулирования, установления и опубликования основ отношений между государем и городской общиной»⁷⁸. Осознавая это, Святославу Ярославичу следовало тщательно продумать детали своего въезда в Киев, чтобы встречающие горожане восприняли его максимально положительно и осознали как «пришествие» щедрого и доброго истинного правителя.

Возвращаясь к тексту надписи, можно предположить, что изначально она состояла из двух частей: записи о выплате руги 19 марта 1076 г. и «исторического комментария» о раздаче Святославом руги по случаю занятия им Киева. Сдвиг начала строк второй части надписи можно объяснить тем, что автор пытался обогнуть греческую надпись, появившуюся здесь раньше; предположительно она читается как Κ(ύρι)ε (ἐ)ξβοήθειν, т.е. «Господи, помоги»⁷⁹, хотя между границами этих двух надписей и сохраняется значительное расстояние. Первая же строка была дописана сверху отдельно, уже после смерти Святослава — отсюда и большой отступ, отделяющий её от второй строки⁸⁰. Слова «4 лета княжил Святослав» можно рассматривать как своеобразный эквивалент

⁷⁴ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 65, 69–70.

⁷⁵ Новгородская первая летопись... С. 29, 43, 67–68.

⁷⁶ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора. С. 70.

⁷⁷ Котышев Д.М. Инвеститура киевских князей XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье... С. 123.

⁷⁸ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора. С. 78.

⁷⁹ Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 484; Корнієнко В.В. Указ. соч. Ч. IV. С. 87, № 2349.

⁸⁰ Б.А. Рыбаков рассматривал первую строку надписи отдельной её частью, считая, что со второй строки идёт «ещё одна надпись, говорящая о других делах» (Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. С. 18).

подсчёту выплат руги: с первого дня княжения Святослава Ярославича она ежегодно выплачивалась до его смерти, т.е. всего четыре раза. Замечательно, что непосредственно под началом этой строки располагается последовательность из четырёх вертикальных штрихов и ещё одного, наклонного к предыдущим (граффито № 9а, по В.В. Корниенко)⁸¹. Хотя её связь с записью о руге Святослава Ярославича нельзя надёжно установить, можно предположить, что каждый вертикальный штрих означает выдачу ежегодного жалования⁸². Подсчёт мог быть сделан весной 1077 г. — в то время, когда клир кафедрального собора замер в ожидании, будет ли продолжена выплата учреждённой Святославом руги после смерти самого учредителя? Последний, отличный по направлению штрих, может в таком случае означать, что выплата руги в 1077 г. состоялась — на киевском столе в это время ещё находился Всеволод. Какова была судьба этого установления после возвращения Изяслава, мы не знаем — возможно, со старым князем вернулись и старые порядки, и о руге, учреждённой «в пришествие Святослава», софийским клирикам оставалось лишь вспоминать, глядя на шесть строк, написанных размашистым почерком на лопатке «княжеского» столба.

---

⁸¹ Корниенко В.В. Указ. соч. Ч. IV. № 9а. С. 82.

⁸² Но нельзя отказаться от вероятности, что это остатки надписи с греческим словом «Ница». Благодарим С.М. Михеева, поделившегося этим сообщением.